

РОДОВЫЕ ТРАВМЫ И ДЕТСКИЕ ФОБИИ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 25 ЛЕТ — ПЕРИОД СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ. СЕГОДНЯШНЕЙ МОЛОДЕЖИ — ПЕРВЫМ УРОЖЕНЦАМ НОВОГО ПЕТЕРБУРГА — КАЖЕТСЯ, ЧТО МАШИНЫ ВСЕГДА ЕЗДИЛИ ПО ВАНТОВОМУ МОСТУ, А МОСКВИЧИ ПИЛИ В БАРАХ НА УЛИЦЕ РУБИНШТЕЙНА. ДА И ТЕ, КТО ПОСТАРШЕ, ВРЯД ЛИ ВСПОМИНАЮТ ВЫХОД В ИНТЕРНЕТ ЧЕРЕЗ ДАЙЛАП, ЦЕНЫ В «УСЛОВНЫХ ЕДИНИЦАХ» И ЖЕЛТЫЕ ЛОСИНЫ. КОНСТАНТИН ШОЛМОВ

В последнее десятилетие XX века Петербург, еще не до конца привыкший к своему новому старому имени, вступил, стремительно разочаровываясь в революционной романтике перестройки. Еще свежи были воспоминания о сотысячных митингах на Дворцовой, еще одним из сильнейших федеральных политиков считался мэр города Анатолий Собчак, но гиперинфляция и рост потребительских цен уже загоняют население в бедность. А неуклюже проведенная денежная реформа — и вовсе в нищету. Задержка зарплат на предприятиях становится заурядным делом, по Петербургу расползаются стихийные рынки. Люди торгуют с поддонов, картонных коробок и просто с земли — чем попало, продаются даже трехлитровые стеклянные банки с окурками. На набережной Фонтанки в таких же банках выставлен чеченский бензин кустарного производства. Набирают силу бандиты, слова «бык», «разборка», «завалить» приобретают новый, зловещий смысл.

На фоне всего этого Собчаку приходится одновременно управлять несколькими сложными процессами. Он в каком-то смысле противостоит федералам, пытаясь «взять столько суверенитета, сколько сможете», борется с Ленсоветом (Законодательное собрание заработало только в январе 1995 года), яростно проводит декоммунизацию и активно приглашает выживших белоэмигрантов, что некоторые воспринимают как намек на возможность восстановления монархии! В городе открываются церкви, а некоторым советским названиям, вроде набережной Красного Флота, возвращаются дореволюционные имена. За всем этим бытовые проблемы малозаметны, а их становится все больше. Помимо безденежья, на горожан давит деградация ЖКХ и транспортной инфраструктуры. Кульминацией становится «разрыв» «красной» линии метро между «Лесной» и «Площадь Мужества», почти на десять лет отрезавший северо-восток города от центра.

Закономерно, но неожиданно Анатолий Собчак проигрывает на выборах 1996 года своему заместителю Владимиру Яковлеву — типичному представителю генерации «крепких хозяйственников», пришедших на смену революционным трибунам эпохи перестройки. Звезда Собчака зашла навсегда, он еще пытается вернуться в политику, но его ждут лишь поражения, уголовное дело, отъезд за границу и скоростная смерть.

ВПЕРЕДИ БОЛЬШАЯ РАБОТА Владимир Яковлев пришел к руководству городом под лозунгом «Впереди большая работа», и действительно, в его семилетку (1996–2003) в Петербурге появилось большинство тех институтов, которые формируют облик города и сегодня. Вследствие ли управленческого таланта или благодаря общему оздоровлению экономики, но именно с кон-

КОГДА В ПЕТЕРБУРГЕ ОТКРЫЛСЯ ОФИС ГАЗЕТЫ „Ъ“, ЦЕНТР ГОРОДА ВЫГЛЯДЕЛ НЕСКОЛЬКО ИНАЧЕ ЧЕМ ТО, К ЧЕМУ МЫ ПРИВЫКЛИ СЕГОДНЯ

ца 1990-х петербуржцы стали жить лучше. В городе налаживается ночная жизнь: открываются клубы «Штирс», «Планетарий», Candyman. Илья Лазерсон переходит из гранд-отеля «Европа» в ресторан «Флора», положив тем самым начало современному ресторанному делу. Пышным цветом расцветает турбизнес: вслед за Болгарией и Анталей петербуржцы начинают открывать для себя Европу. Даже дефолт 1998 года не особенно омрачил радужные перспективы. Все верили в то, что развивать бизнес можно и нужно, слово «предприниматель» в общественном сознании перестало ассоциироваться с парнем, торгующим вареными джинсами, в Петербурге начинает развиваться соответствующая инфраструктура. Если до середины 1990-х офисом называлось помещение, арендованное где-нибудь в заводском доме культуры, то теперь возникают настоящие бизнес-центры. Пожалуй, первым была «Акватория» у Кантемировского моста — преобразование унылого серого НИИ в нечто, сверкающее зеркальным стеклом, казалось символом наступающего благополучия.

В город приходят крупные международные инвесторы: Unilever, выкупивший фабрику «Северное сияние» вместе с землей, Wrigley, Coca-Cola, McDonald's. Начинает формироваться «большая тройка» операторов сотовой связи: «Северо-Западный GSM» («Мегафон»), МТС и «Билайн». Увеличение числа операторов (в начале 1990-х был один, а в конце уже семь) и конкуренция между ними приводят к снижению стоимости связи в несколько раз. Правда, даже входящие звонки внутри сети платные, пополнить счет можно все еще только в офисе оператора, а вместе с телефоном нужно носить разрешение Госсвянадзора на его использование...

Практически завершился раздел собственности в промышленности. Предприятия обрели новых, частных хозяев, а те из них, кто не смог пережить эпоху бартера и забастовок, превратились в не менее

лакомые куски недвижимости. Исчезли со страниц газет упоминания об уличных перестрелках, пожалуй, последним резонансным делом, как бы закрывающим «лихие девяностые», стало убийство вице-губернатора Михаила Маневича, курировавшего как раз приватизацию и управление недвижимостью.

В 1997 году появился первый «Стратегический план развития Санкт-Петербурга». Причем он был разработан негосударственным Леонтьевским центром с широким участием экспертов из бизнеса, науки, экологической и градостроительной обществности. План не был утвержден в качестве городского закона, но некоторые его положения (например, строительство КАД и ЗСД) оказались реализованы, а сам документ стал символом «устаканивания» ситуации.

ОКНО В ЕВРОПУ Однако пока петербуржцы учились произносить слово «бутик» с ударением на втором слоге, в стране (точнее сказать, в Москве) шли скрытые тектонические процессы. И Владимир Яковлев, убедительно выигравший вторые выборы в 2000 году, едва проведя юбилейные торжества в 2003-м, досрочно покинул пост губернатора. Все было обставлено как повышение, но федеральным чиновником Яковлев пробыл недолго. А вскоре выборы губернаторов отменяют по всей России: в стране укрепится так называемая вертикаль власти, ярким представителем которой стала Валентина Матвиенко.

При ней словно возродились традиции матушек-императриц. Петербург, обновленный и раззолоченный к юбилею, снова стремится стать окном в Европу. Защищается ларечная торговля, первый удар получает Апраксин двор. Дикие маршрутки вытесняются из центра города на окраины, с Невского исчезает крупноформатная реклама.

Валентина Ивановна лоббирует перемещение в город штаб-квартир крупных ком-

паний и федеральных структур. Впрочем, с последними дело идет вяло, ограничившись лишь полупереездом Конституционного суда. Зато складывается автомобильный кластер: Toyota, Nissan, Hyundai, Scania, General Motors, Magna строят свои заводы по периметру города. В самом же Петербурге активно строят дорогие культурно-спортивные объекты: вторую сцену Мариинского театра, новый стадион на Крестовском острове, реконструируют Новую Голландию. Провозглашен курс на превращение Северной столицы в мировой туристический центр — к концу первого десятилетия века его должны посещать 5 млн туристов в год. С прицелом на это строят новый морской пассажирский терминал, запускают прямой паром в Скандинавию.

В город стараются зазвать мастеров культуры с мировым именем — от архитекторов и дизайнеров моды до кинорежиссеров и художников. Фестиваль Dance Open, который начинался как серия мастер-классов для начинающих танцовщиков, превращается в одно из наиболее значимых событий в балетном мире.

Но эксплуатация культурно-исторического наследия Петербурга таит в себе и опасность для губернатора. Валентине Матвиенко ставят в вину разрушение девелоперами более чем 100 исторических зданий, скандальную вечеринку на крейсере «Аврора» и главное — попытку провести строительство 400-метрового небоскреба на Охтинском мысу. Протест против «кукурузины» сплотил самых разных оппонентов, и именно при Матвиенко Петербург вновь увидел на улицах массовые демонстрации. Две снежных зимы подряд продемонстрировали неспособность городских служб справиться со стихией, и в преддверии выборов 2012 года Валентину Ивановну предпочли вернуть в Москву.

ГЕОРГИЙ ТИШАЙШИЙ Пришедший ей на смену тишайший Георгий Полтавченко запомнился не столько победами, сколько отменами. «Аэроэкспресс», Орловский тоннель, Судебный квартал и прочие амбициозные проекты «жирных» лет были отложены — кто в долгий ящик, а кто, видимо, навсегда. Даже стадион, ставший притчей во языцех из-за своей дороговизны, достраивали не те, кто начинал. Все статистические показатели жизни города при нем улучшились, Петербург даже переместился с 21-го на четвертое место в национальном инвестиционном рейтинге и вторично преодолел планку в 5 млн жителей. Но вот любви с гражданами точно не вышло: щепетильные петербуржцы не смогли простить Полтавченко ни хамского «жлобы», ни толерантного моста Кадырова, ни богоудобного решения о передаче Исаакиевского собора РПЦ. Державности при нем было полно, это верно. Но державность хороша в тучные годы, которые, увы, прошли. ■